

Лиса Патрикеевна — эпизод 2 из 2

видно дельце какое случилось?

-- Просьбица есть у меня до вас всепокорнейшая, -- заговорила

Лиса-Патрикеевна, а сама залилась слезами. -- Житья мне на свете не стало, сиротинушке. Обижают меня, беззащитную, всякие звери. Пусть бы уж крупные, а то мелочь-то всякая покою не дает. На что зайцы -- и те надо мной потешаются. Вчера приходят ко мне два зайца -- пьяным пьянехоньки еле на ногах стоят -- на шумели, набуянили и из дому вон выгнали. Плакала, плакала да и придумала: пойду, мол, я к доброму соседушке милости просить. Квартира у него большая, так не пустит ли в уголок зиму дозимовать. А я бы ему прислуживать стала, одежоньку чинить, или на посылках бегать. Мишенька обрадовался, что даровую прислугу нашел и пригласил лису переехать.

-- Только не будет ли вам беспокойно со мной? -- спросила лиса: -- я ведь по здешнему лесу лекаркой состою, так по ночам часто приходят за мною, -- стучаться будут.

-- Это ничего, ответил медведь -- если ночью помешают, так я и днем выплюсь.

В тот же день переехала лиса к медведю.

Ночью лиса легла спать на лавочку, а хвост опустила под лавочку. Полежала, полежала да и давай хвостом бить, будто кто со двора стучится.

-- Кто там? спросила она.

-- Здесь лекарка живет? -- пропищала сама же, только не своим голосом.

-- Здесь! сейчас выйду.

Вскочила и ушла.

Медведь слышал всё это и думал, что в самом деле к больному пошла, а она прямо туда, где спрятан был мед, Подсела к кадке и давай лакомиться.

Перед светом, когда возвратилась лиса, медведь спросил ее: ну, что, лисонька, как лечение твое идет?

-- Хорошо; еще в начале только, ответила она.

Выходило так, что медведь спрашивал про больного, а лиса отвечала про мед. На другую ночь лиса опять также сделала.

-- Ну, что, лисонька, как лечение идет? -- спросил медведь, когда возвратилась лиса.

-- Хорошо, до половины дошло.

На третью ночь лиса опять из дому уходила.

-- Ну, что, лисонька, как лечение идет? -- спросил опять медведь.

-- Очень хорошо, покончила всё, ответила лиса.

Вскоре медведю захотелось посмотреть, цел ли у него мед. Заглянул он в кадку -- а там и донышко видно.

-- Эге! подумал Мишенька: -- это, видно, лисьины штуки. Постой-ка, я допрошу.

Возвратился он в берлогу. -- Лиса-Патрикеевна сидит, как ни в чем не бывало, и чулки медведю штопает.

-- Это тебе и не стыдно, лисонька, медок-то весь скушать!? -- сказал ей медведь.

-- Про какой это вы медок говорите, Михайло Иванович? Я и знать ничего не знаю, ведать не ведаю, -- начала оправдываться лиса.

Медведь взял ее за лапу, подвел к яме, где спрятан был мед, и указал на пустую кадку.

-- А вот это чьи дела? спросил он лису: -- У меня в доме, кроме тебя, никто не живет, стало и некому съесть.

-- Может вы сами изволили скушать. Михайло Иваныч, когда-нибудь во хмелю пришедши, да и заспали, извернулась лиса: -- А мне как это сделать, когда я и не знала, что у вас мед есть? Впрочем, ведь уж это такое дело, что укрыться не может ни как. Ведь сейчас узнать можно, кто поел мед.

-- А как же это узнать?

-- А вот как: затопим печку пожарче, да и ляжем перед огнем. Как только жаром начнет пропекать -- мед и будет топиться из шкуры наружу.

Медведь согласился попробовать. Натаскал из лесу дров целый ворох, затопил печь и улегся с лисой перед огнем. Как только начало его пригревать -- он и захрапел.

Лисе только того и надо было. Тотчас побежала она к кадке, соскребла со дна последышки да и вымазала медом-то всего медведя.

-- Вставай, Михаил Иванович! будила она его, когда кончила дело -- теперь уж пора узнавать, кто съел мед.

Медведь встал, лизнул спросонья, лису -- не сладко: значит не ела; лизнул себя -- что за диковинка! точно в соту язык опустил. "Когда же это я съел? стал думать он: -- Правда, хоть мне и частенько случалось домой под хмельком приходить, однако помню, что меду не трогал. Разве вот прошлый раз, когда с именин от соседа под руки привели -- да и тогда кажется не трогал, а прямо спать повалился."

Пока медведь размышлял, сидя над кадкой -- лиса побежала в берлогу, собрала наскоро свои пожитки, расплакалась и стала прощаться.

"Прощайте, Михайло Иваныч! завопила она, обливаясь слезами: -- Крепко обидели вы меня, горемычную, что, не разобравши дела, клепать начали. Не

хочу у вас ни минуты оставаться после того. Лучше уж буду мытарствовать по темному лесу, где день, а где ночь, чем такое оскорбление терпеть."

Мишенька подумал, что в самом деле понапрасну обидел лису, начал прощенья просить, уговаривать, чтобы осталась, но та и слушать не захотела -- ушла.

Да и зачем уж ей было оставаться: мед съеден, а другого ничего у медведя в запасе не было, потому что он всю зиму только свою лапу сосет, да тем и питается.

Идет лиса по лесу, а хвост несет по ветру, -- вдруг слышит что-то жареным за пахло.

-- Верно охотники ходили, да кусочек обрости, -- подумала лиса, побежала на запах да и попала в капкан.

Испугалась Лиса-Патрикеевна не на шутку. Начала голосить, куманьев на помощь сзывать -- ан глядь, вместо кума мужичек к ней идет, тот самый, у которого она рыбу из воза повытаскала.

Лиса Патрикеевна начала метаться во все стороны, улещать мужичка да пощады просить, но мужичок не сжалился, перерезал ей ножом горлышко и шкурку содрал, да понес на базар продавать.

После набежал на лису волк, увидел что кума без шубки лежит -- заплакал, потужил, да и скушал куму.

А медведь и теперь еще всё голову ломает, да не может припомнить, когда съел он свой мед?